

Самое дорогое

Все знают о бессмертной любви поэта к Прекрасной Даме, любви-мечте, любви-призраке, мало имевшей общего с любовью к конкретной женщине из плоти и крови. Однако до встречи с Любой Менделеевой Блок уже пережил свою первую любовь – к зрелой замужней женщине, действительной статской советнице, ровеснице своей матери Ксении Михайловне Садовской, вошедшей потом в его поэзию циклом К.М.С. – бессмертным шедевром любовной лирики. Он назовёт её в стихах “гением первой любви”.

В тёмном небе роскошная светит луна,
в сердце нашем огонь, в душах наших весна. –

С этого стихотворения, датированного 31 октября 1897 года, начинается первая рукописная тетрадь стихов семнадцатилетнего Блока.

В тихий вечер мы встречались,
(сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
уводила вдоль пруда
эта узкая аллея
в сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность –
что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
не она ли создала?

По вечерам в назначенный час он поджидал её в наёмной карете с зашторенными стёклами. Были и хождения под окнами, и уединённые прогулки, жаркие письма, беглые свидания в маленьких гостиницах. Всё было... Но в августе 1898-го на поэта нахлынула новая любовь, и всё, что было связано с К.М.С. – отошло на задний план. Появляются стихи, где она упоминается как “любовница, давно забытая”. “Прощай, в последний раз жестоко я обманул твои мечты...”. “Ты не обманешь, призрак бледный, давно испытанных страстей”. Появляются и совсем жестокие ноты: “и разве, посмотрев на вянувший цветок, не вспомнится другой, живой и ароматный?” Всё кончилось, как и должно было кончиться между юным гимназистом и женщиной, вступившей в пятый десяток. Но в жизни Блока ничего не проходило бесследно.

Банальный курортный роман обернулся чем-то большим, серьёзным. И чем дальше уходила эта любовь в прошлое, тем больше она очищалась от всего наносного, случайного, как бы заново возрождаясь в первоначальной ценности и свежести юношеского чувства.

Иль первой страсти юный гений
ещё с душой не разлучён,
и ты навеки обручён
той давней, незабвенной тени?

Вскоре до Блока дошёл ложный слух о смерти Садовской. “Однако кто же умер? Умерла старуха. Что же осталось?” И он погружается в “синеву воспоминаний”:

Жизнь давно сожжена и рассказана,
только первая снится любовь.
Как бесценный ларец перевязана
накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
под лампадой томлюсь от обид,
синий призрак умершей любовницы
над кадиллом мечтаний сквозит.

Но Ксения Садовская тогда была ещё жива. Судьба её была печальной. Тяжело и подолгу болеющие дети, старый нелюбимый муж. Потом взрослые дети разлетелись в разные стороны, муж умер. В 1919 году она, еле живая от голода, идёт пешком в Одессу к сыну. По пути нищенствовала, собирала колосья пшеницы. В Одессу пришла с явными признаками душевного заболевания и попала в больницу. Врач, лечивший Садовскую, был поклонником Блока. Он обратил внимание на полное совпадение имени, отчества и фамилии своей пациентки с блоковской К.М.С. (к тому времени эти инициалы были раскрыты в литературе о Блоке). И выяснилось, что старая, неизлечимо больная, нищая, раздавленная жизнью женщина и воспетая в стихах красавица – одно и то же лицо. О посвящённых ей стихах Садовская услышала впервые. Когда ей их прочитали, она заплакала.

Унесённая белой метелью
в глубину, в бездыханность мою,
вот я вновь над твоею постелью
наклонилась, дышу, узнаю.

Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
я сквозь тёмные ночи – в венце.
Вот они – ещё синие очи
на моём постаревшем лице!

В твоём голосе – возгласы моря,
на лице твоём – жала огня,
но читаю в испуганном взоре,
что ты помнишь и любишь меня.

В 1925 году Садовская умерла. Её похоронили на Одесском кладбище. И тут произошло самое удивительное в этой истории. Оказывается, потеряв решительно всё, старуха сберегла единственное – пачку писем, полученных более четверти века назад от влюблённого в неё гимназиста и студента. Тоненькая пачка была перевязана алой лентой. “Накрест лентой алой, как кровь”.

Что нам остаётся от тех, кого мы любим? От самих себя прежних?

Незадолго до смерти Блок говорил матери, что мог бы сжечь все свои произведения, кроме стихов о Прекрасной Даме, что это лучшее и чистейшее из всего, что он создал. Он написал своей Беатриче 317 писем – своеобразный романтический комментарий к его стихам. Менделеева хранила их всю жизнь, как и Садовская.

Жизнь их была нерадостной. Пушкину взамен счастья хватало покоя и воли. Блок не мог утешиться и этим: “Покоя нет. Покой нам только снится”. Тоска, сознание своей вины, одиночество, вечное ожидание жены, уехавшей в Житомир к любовнику. “Мне очень надо твоего участия, – пишет он Любе. – Стихи в тетради давно не переписывались твоей рукою. Давно я не прочёл тебе ничего. Лампадки не зажигаются. Холодно как-то. То, что я пишу, я могу написать и сказать только тебе. Многого я не говорю даже маме. А если ты не поймёшь – то и бог с ним, пойду дальше так”.

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
когда плетёт коварство сети.
И в сердце первая любовь
жива – к единственной на свете.
Тебя, Офелию мою,
увёл далёко жизни холод.
И гибну, принц, в родном краю,
клинком отравленным заколот.

Она поймёт – потом, позже. Из письма мужу: “Люблю тебя одного в целом мире. Часто падаю на кровать и горько плачу: что я с собой сделала!”

Ломка нормальных семейных отношений, которая в их кругу пышно

называлась “революцией быта”, больно ударила по ним обоим. Жизнь переучивала, опровергала декадентскую ложь, заставляла учиться на собственных ошибках. Всё богочеловеческое и сверхчеловеческое отошло, осталось просто человеческое.

Не знаю, где приют своей гордыне
ты, милая, ты, нежная, нашла.
Я крепко сплю. Мне снится плащ твой синий,
в котором ты в сырую ночь ушла.

Любовь Менделеева пережила мужа на 16 лет. В 39-ом к ней пришли литературоведы, чтобы, по договорённости с ней, забрать бумаги Блока – дневники, письма. Она отворила им дверь – и через минуту упала замертво. Сердечный приступ. Словно не в силах была расстаться с самым дорогим, что у неё осталось.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг очнёшься: пусто, нет огня.
И в этот час под ласками чужими
припомнишь ты и призовёшь – меня!

Как иступлённо ты протянешь руки
в глухую ночь, о бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
к утешенным весной небытия.

Ты проклянёшь в мученьях невозможных
всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
их тайный жар тебе поможет жить.

Своя прекрасная дама была и у М. Волошина. Тоненькая девушка с золотистыми волосами, бледно-матовым лицом и слегка раскосыми глазами, похожая на восточную принцессу. Маргарита Сабашникова. Волошин совершил ту же ошибку, что и Блок – “женится на Беатриче”.

Однажды в парижском музее Гимэ он увидел скульптурный портрет, до боли напомнивший своими чертами лицо любимой. Это была гигантская, высеченная из песчаника неизвестным древнеегипетским мастером голова египетской царевны Таиах, жены фараона Аменхотепа III (XV век до н.э.). Волошин заворожённо смотрел на неё, не в силах отвести глаз. Он тут же заказал копию этой скульптуры в натуральную величину и увёз с собой в Коктебель. Этот слепок стал отныне для поэта олицетворением всего самого дорогого и прекрасного в мире.

Свет зажгу. И ровный круг от лампы
озарит растенья по углам,
на стенах японские эстампы,
на шкафу химеры с Нотре-Дам.

Барельефы, ветви эвкалипта,
полки книг, бумаги на столах,
и над ними тайну тайн Египта –
бледный лик царевны Таиах.

х х х

Не царевич я! Похожий
на него, я был иной...
Ты ведь знала: я – Прохожий,
близкий всем, всему чужой.

Мы друг друга не забудем,
и, целуя дольний прах,
отнесу я сказку людям
о царевне Таиах.

Эта сказка всегда была с ним. И потом, когда они расстанутся навсегда с Маргаритой, она будет напоминать ему о любви, о неразгаданной восточной принцессе, о городе, ставшем для него источником вдохновения. Бюст царевны Таиах и сейчас украшает Дом-музей Волошина в Коктебеле, и мы с трепетом вглядываемся в черты той, древней, поистине бессмертной Возлюбленной.

А. Ахматова как-то сказала в разговоре с Надеждой Мандельштам, что от былых любовных романов ничего не остаётся ни в душе, ни в памяти. Остаётся – когда настоящее. Таким настоящим для Ахматовой была встреча с Амедео Модильяни – на заре юности, в светлый, лёгкий, предрассветный час судьбы, когда ни он, ни она ещё не были теми, кем они станут для человечества: великой поэтессой Всея Руси и гениальным художником Франции.

Единственный из шестнадцати рисунков, на которых Модильяни изобразил Ахматову, чудом уцелевший в огне войн и революций, прожил рядом с ней все эти тяжкие полвека. В последние годы он висел у неё в изголовье. Это было единственное, что уцелело у неё от прошлого и чем она дорожила. Единственное её достояние.

Плывёт она в тумане
среди чудищ, мимо скал...
Такой, как Модильяни
её нарисовал. –

влюблённо описал этот рисунок А. Кушнер.

Однажды, когда Ахматовой пришлось с А. Найманом тащиться к нотариусу по поводу завещания о наследстве, она с тоской сказала своему спутнику, выйдя из нотариальной конторы: “О каком наследстве можно говорить? Взять рисунок Моды и уйти”. От долгой жизни, полной поэтических триумфов, любовей, браков, славы, остался рисунок шалого тосканца, залог их юной любви. Как мало, в сущности, нужно человеку. Подобно скульптору, отсекающему лишнее в камне, жизнь отсеивает, отшелушивает всё второстепенное, оставляя к концу лишь самое ценное и дорогое.